Кёити Катаяма

Оплакивая любовь в самом центре мира

Я прочитала его
на одном дыхании, плача.
Я тоже хотела бы
когда-нибудь
пережить такую
любовь.

Сибасаки Ко,
японская актриса
и певица

Один из самых продаваемых романов
в истории Японии!

Азбука-бестселлер

Кёити Катаяма

Оплакивая любовь в самом центре мира

«Азбука»
2026

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Катаяма К.

Оплакивая любовь в самом центре мира / К. Катаяма — «Азбука», 2026 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-35612-2

Горько-сладкое путешествие, полное юношеской любви, беззаветной преданности и душераздирающей утраты. Невероятная популярность книги стала настоящим литературным феноменом, а сам роман вошел в канон классических любовных историй Японии. Сакутаро и Аки познакомились в школе небольшого провинциального японского городка. Сакутаро остроумный и даже слегка саркастичный, Аки вдумчивая, красивая и популярная. Прогулки после уроков, неловкие признания и разговоры о будущем постепенно меняют взгляд парня и девушки на мир вокруг. Но взросление редко проходит безболезненно, и герои сталкиваются с тем, о чем в семнадцать лет обычно никто не думает. «Оплакивая любовь в самом центре мира» – культовый роман Кёити Катаямы, покоривший миллионы читателей по всему миру. Искренняя и эмоциональная книга, которая трогает до глубины души.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-35612-2

© Катаяма К., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Часть первая 6
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Кёити Катаяма
Оплакивая любовь в самом центре мира

Серия «Азбука-бестселлер»

SEKAI NO CHUSHIN DE, AI WO SAKEBU
by Kyoichi KATAYAMA
© 2026 Kyoichi KATAYAMA
All rights reserved.
Original Japanese edition published by SHOGAKUKAN.
Russian translation rights throughout the world arranged with SHOGAKUKAN, through Japan Uni Agency, Inc. and The Agency, srl.

Перевод с японского Ирины Давыдовой
Оформление обложки Ивана Лицука

© И. О. Давыдова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Азбука», 2026 Издательство Азбука®

Часть первая

1

Утром я проснулся в слезах, что было, в общем-то, уже привычным делом. Даже не знаю, грустно ли мне по-настоящему: вместе со слезами куда-то утекают и все чувства. Я долго валялся в кровати, пока в комнату не вошла мама и не сказала, что пора вставать.

Снег не шел, но дороги были покрыты инеем и потому побелели. Папа был за рулем, а рядом, на пассажирском сиденье, расположился отец Аки. Мать Аки сидела позади вместе со мной. Мужчины болтали о погоде, о том, успеем ли мы в аэропорт на посадку и вылетит ли самолет по расписанию. Мы же почти не разговаривали. Я смотрел на расстилающийся за окном пейзаж: по обе стороны дороги утопали в снегу возделанные поля. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь завесу облаков, сверкали на линии далеких гор.

Мать Аки держала на коленях маленькую урну с прахом.

На перевале снега оказалось больше, и отец остановил машину в сервисе, чтобы надеть на колеса цепи против скольжения. За парковкой начиналась роща, поэтому я решил пока прогуляться. Нетронутый снег лежал на траве и изредка с шорохом осыпался с верхушек деревьев, но стоило оглянуться – и за ограждением открывался вид на зимнее море. Спокойное синее-синее море. Куда ни глянь – все навевало воспоминания. Сдерживая эмоции, я отвернулся и двинулся в лес.

Сугробы здесь были глубже, а из-за сломанных веток и пней идти оказалось сложнее, чем я предполагал. Внезапно в чаще пронзительно вскрикнула и взлетела птица. Я замер, закрыл глаза и прислушался. Стало тихо, словно все исчезли из этого мира; только грохот цепей машин, что проезжали по шоссе, звучал, словно колокола. В какой-то момент я перестал понимать, кто я и где нахожусь. И тут с парковки меня позвал отец.

После перевала все было гладко. Мы вовремя добрались до аэропорта, прошли регистрацию и направились на посадку.

– Большое спасибо, – сказал папа родителям Аки.

– Нет, это вам спасибо, – с улыбкой ответил отец Аки. – Думаю, дочка была бы рада, что вы разрешили Сакутаро-кун поехать вместе с нами.

Я взглянул на урну в руках мамы Аки. Помещенный в парчовый мешочек, этот сосуд выглядел таким маленьким. Не верилось, что Аки действительно находится внутри.

Едва самолет взлетел, я уснул, и мне приснилась Аки – еще здоровая. Во сне она улыбалась своей обычной, немного смущенной улыбкой. Звучал голос, который мне никогда не забыть. «Саку-тян», – звала она меня. Мне хотелось, чтобы сон обернулся явью, а явь – сном. Но этому не дано сбыться. Потому я и просыпаюсь в слезах. Не от грусти: просто возвращение из радостного сна в безрадостную реальность – это пропасть, которую нельзя преодолеть, не пролив слез. Сколько бы я ни пытался, не получается.

Когда мы вылетали, за окном был снежный пейзаж, а когда приземлились, то очутились в залитом летним солнцем туристическом городке. Кэрнс. Прекрасный город на берегу Тихого океана. Вокруг дорогого отеля, выходящего фасадом на гавань, было полно тропической зелени, словно задыхающейся от собственной густоты, у причала теснились маленькие и большие круизные суда. Такси везло нас в отель вдоль прибрежной полосы; множество людей наслаждались вечерней прогулкой.

– Словно Гавайи, – произнесла мама Аки.

А мне город казался проклятым. Все в нем оставалось таким же, как и четыре месяца назад. Всего за четыре месяца сменился сезон, и австралийская весна перешла в разгар австралийского лета. Вот и все, ничего больше не изменилось.

Мы заночевали в отеле: утром нас ждал следующий рейс. Разница во времени почти не ощущалась, оно текло так же, как в Японии. После ужина я валялся на кровати в своем номере, бессмысленно пялился в потолок и пытался убедить себя в том, что Аки больше нет.

Когда я приезжал сюда четыре месяца назад, Аки тоже не было. Она осталась в Японии, а мы отправились сюда со школьной экскурсией. Из ближайшего к Австралии японского города – в ближайший к Японии австралийский. На этом маршруте самолету даже не нужно останавливаться в аэропорту для дозаправки. Город, что загадочно появился в моей жизни. Раньше я считал его красивым. Куда ни посмотри – все казалось мне ярким и необычным. Думаю, это потому, что я смотрел на все глазами Аки. А сейчас, на что бы я ни взглянул, это не вызывало во мне ровным счетом никаких эмоций. Так и зачем мне на все это смотреть?

Вот что изменилось, когда Аки не стало. Мне больше незачем и не на что смотреть. Ни в Австралии, ни на Аляске, ни на Средиземном море, ни в Южном океане. Куда бы я ни отправился, весь мир будет для меня одинаковым. Каким бы величественным ни был пейзаж, мое сердце останется глухо. Ведь больше нет той, кто давал мне стимул смотреть, узнавать, чувствовать… жить. Ее больше нет со мной.

Всего четыре месяца назад незаметно для мира из него исчезла одна девочка. Для шести миллиардов людей, населяющих Землю, это мелочь. Но меня нет среди этих шести миллиардов. Я там, где смерть одного человека унесла с собой целую палитру чувств. Вот где я нахожусь. Я ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не чувствую. Но где я на самом деле? Если ее нет, то где же я?

2

Мы с Аки познакомились на втором году средней школы, когда по воле случая нас распределили в одну параллель из девяти возможных. Классный руководитель назначил нас старостами и выдал первое поручение: навестить в больнице одноклассника Ооки, который сломал ногу. По дороге мы купили печенье и цветы на деньги, собранные одноклассниками.

На ноге Ооки красовался огромный гипс, сам парень лежал на кровати. Я почти не знал его – он попал в больницу на следующий день после церемонии начала учебного года. Поэтому разговоры с больным я предоставил Аки, учившейся с ним в прошлом году, а сам рассматривал из окна палаты торговый район. Он шел вдоль автобусного маршрута, и в нем аккуратно разместились цветочный магазин, фруктовая лавка и кондитерская. Отсюда же открывался вид на гору Сирояма. Среди молодой листвы виднелся белый замок.

– Мацумото[1], твое имя ведь Сакутаро? – неожиданно обратился ко мне Ооки, отвлекшись от разговора с Аки.

– Да, все так. – Я отвернулся от окна.

– Обалдеть можно.

– Что в этом такого?

– Так тебя ведь назвали в честь того самого Хагивары Сакутаро?[2]

Я ничего не ответил.

– А мое имя ты знаешь? – уточнил он.

– Вроде Рюноскэ.

---

[1] Мальчик обращается к главному герою по фамилии. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

[2] *Хагивара Сакутаро* – японский писатель и поэт, реформатор японской поэзии.

– Вот-вот. Как Акутагава Рюноскэ[3]. Мои родители просто помешаны на литературе, как и твои.

– Ну, в моем случае скорее дедушка, – сказал я.

– Так это был выбор дедушки? – оживился Ооки.

– Ага.

– Не позавидуешь. Впрочем, как и мне.

– Но Рюноскэ – это еще цветочки.

– Почему?

– Представь, что было бы, назови они тебя Кинноскэ.

– А кто это?

– Это настоящее имя Нацумэ Сосэки.

– Не знал.

– Если бы «Сердце»[4] было любимой книгой твоих родителей, то тебя бы звали Ооки Кинноскэ.

– О боже… – Он странно улыбнулся. – Они бы ни за что не дали сыну такое имя.

– Просто представим, – ответил я. – Вот звали бы тебя Ооки Кинноскэ. И стал бы ты посмешищем всей школы.

Ооки насупился, а я продолжил:

– Ты бы обозлился на родителей за такое имя и сбежал из дома. А потом стал бы профессиональным рестлером.

– Почему именно рестлером? – заинтересовался Ооки, тут же позабыв свою обиду.

– А потому что Кинноскэ – подходящее имя для рестлера, не находишь?

– И то верно.

Аки поставила принесенные цветы в вазу. Открыв коробку с печеньем, мы с Ооки ели и продолжали разговор о двинутых на литературе родителях. Когда же мы с Аки собрались уходить, Ооки предложил нам заглянуть еще.

– Скучно целый день в кровати валяться, – сказал он, указав на ногу в гипсе.

– Остальные тоже будут к тебе приходить, чтобы помочь с учебой, – ответил я.

– Можно обойтись и без этого.

– И Сасаки с подругами обещала тебя навестить, – заметила Аки.

Сасаки была главной красавицей нашего класса.

– Повезло тебе, Ооки, – поддразнил я.

– Не лезь в мои дела, оки? – Выпалив этот несмешной каламбур, Ооки рассмеялся.

По пути из больницы я вдруг предложил Аки взобраться на гору Сирояма. Было уже слишком поздно возвращаться в школьный клуб, а до ужина дома оставалась еще куча времени. Она ответила: «Хорошо». Вот так запросто согласилась пойти со мной.

На гору Сирояма можно подняться двумя маршрутами: с севера и с юга. Мы начали подниматься с юга. Вообще-то, главным входом считается северный, а второй как бы остается запасным, оттого и дорога туда узкая и крутая, да и людей по ней ходит не много. По пути лежал парк, где оба маршрута пересекались.

– Мацумото, а ты рок слушаешь? – спросила Аки, до сих пор почти все время молчавшая.

– Угу. – Я взглянул на нее. – А что?

– Да просто в прошлом году видела, как вы с друзьями дисками обменивались.

– А ты его не слушаешь, Хиросэ?

– Не-а. В голове от него каша.

---

[3] *Акутагава Рюноскэ* – японский писатель, чьи рассказы и новеллы переведены на многие языки мира.

[4] *«Сердце»* – популярный роман японского писателя Нацумэ Сосэки.

– От рока?

– Ага. Мозг сразу как школьный карри с бобами.

– Хм… – промычал я, не зная, что на это ответить.

– Мацумото, ты ведь ходишь в клуб кэндо?[5] – продолжила она.

– Ну да.

– А ничего, что ты сегодня тренировку пропустил?

– Я предупредил преподавателя, что меня не будет.

Некоторое время Аки над чем-то думала, а потом сказала:

– Но все же как-то странно. Парень из клуба кэндо, а дома слушает рок. Не складывается картинка.

– Ну как по мне, то все прекрасно складывается. Когда бьешь противника по мэну[6], то становится радостно. Точно как от рока.

– То есть ты не всегда радуешься?

– А ты, что ли, всегда, Хиросэ?

– Я не совсем понимаю, что меня вообще радует.

«Я тоже не очень понимаю», – подумалось мне.

Мы шли на расстоянии, какое и полагалось соблюдать мальчику и девочке средней школы. Но несмотря на это, до меня доносился сладковатый запах ее волос – то ли шампуня, то ли кондиционера. Совсем не такой, как вонь защитной экипировки, от которой глаза начинают слезиться. Наверное, если носить на себе такой запах круглый год, то тебе действительно не захочется слушать рок и бить людей бамбуковым мечом.

У ведущих вверх каменных ступеней стерлись края, местами они поросли мхом. Земля, в которую были врыты ступени, была красной и выглядела влажной. Здесь Аки резко остановилась:

– Гортензии.

Я проследил за ее взглядом и увидел несколько кустов, теснившихся между горной тропой и утесом справа. На них уже красовались бутоны размером с десятииеновую монету.

– Мне нравятся гортензии, – мечтательно сказала она. – Придем посмотреть, когда они распустятся?

– Хорошо. – Я немного растерялся. – Но сейчас давай все же поднимемся до вершины.

3

Мой дом находится на территории городской библиотеки. Примыкающее к главному корпусу белое здание в европейском стиле, чем-то похожее то ли на рокумэйкан[7], то ли на здание времен демократии Тайсё[8]; оно считается памятником культуры. Знаю, «памятник культуры» звучит хорошо, но отнюдь не для тех, кто в нем живет. Например, мой дедушка говорил, что в подобном доме трудно людям в возрасте, и вскоре переехал в квартиру, но, вообще-то, правда в том, что в доме, где сложно жить пожилым, сложно вообще всем. Эксцентричность моего отца, вынуждавшая нас оставаться здесь, походила на хроническое заболевание, и, насколько я мог судить, моя мать тоже страдала этим недугом. Для ребенка это настоящая проблема.

Как вышло, что наша семья стала жить здесь, я не знаю. Если не брать во внимание чудаковатость моих родителей, то это точно как-то связано с тем, что мама работает в библиотеке. Или, может, дело в дедушке, который раньше был членом парламента и сумел подергать за

[5] *Кэндо* – японское боевое искусство фехтования на бамбуковых мечах.

[6] *Мэн* – защитный шлем в кэндо.

[7] *Рокумэйкан* – здание в западном стиле, построенное в конце XIX века.

[8] *Демократия Тайсё* – период японской истории с 1912 по 1926 год.

кое-какие ниточки? В любом случае я не хотел знать о сомнительном прошлом, связанном с этим событием, так что даже не пытался спрашивать. А больше ничего примечательного в этом месте нет. Разве что в самом узком промежутке между домом и библиотекой всего метра три. Но говорить, будто из своей комнаты на втором этаже я мог читать книги сидевших у окна людей, было бы преувеличением.

Начиная со средней школы, когда не занимался в клубе, я помогал маме в библиотеке. По выходным и в праздники – в дни, когда было много посетителей, – я сканировал штрихкоды на стойке выдачи, складывал на тележку возвращенные книги и расставлял их по полкам – обычное усердие Джованни из «Ночи на Галактической железной дороге»[9]. Конечно же, я старался не просто так: за работу мне платили и почти все заработанные деньги тратил на CD-диски.

После того похода в больницу мы с Аки, как старосты класса, продолжили общаться. Мы много времени проводили вместе, но я не считал это чем-то из ряда вон. Наоборот, из-за слишком тесного общения я и вовсе не замечал привлекательности Аки, однако среди одноклассников нашлось немало фанатов такой милой, доброй и умной девочки, как она. Наша внезапная близость быстро стала объектом их зависти, а я – целью их мести. Во время уроков физкультуры, когда мы с ребятами играли в баскетбол или футбол, некоторые из них намеренно врезались в меня или пинали по ногам. Поначалу я даже не мог понять, отчего вдруг они так на меня озлобились, но благодаря одному инциденту то, что тайно ранило меня долгое время, прояснилось вмиг.

На культурном фестивале второго семестра нашим классам предстояло сыграть спектакль. Девочки настояли на «Ромео и Джульетте»; по их же единогласному решению роль Джульетты досталась Аки. А вот роль Ромео пришлось играть мне, ведь в соответствии с неписаным законом, если никто не хочет браться за какое-то дело, то его обязательно поручают старосте.

Благодаря девочкам репетиции проходили в легкой дружеской атмосфере. Было особенно забавно видеть, как неизменно серьезная Аки с каменным выражением лица играет сцену признания у окна:

> Ромео!
> Ромео, о зачем же ты Ромео!
> Покинь отца и отрекись навеки
> От имени родного, а не хочешь —
> Так поклянись, что любишь ты меня[10].

А когда директриса в роли кормилицы с чувством начинала рассказывать о своей утраченной в двенадцать лет невинности, весь зал просто со смеху покатывался:

> Невинностью моей
> В двенадцать лет – клянусь, уж я давно
> Звала ее.

Однако в сцене, где главные герои встречают рассвет в спальне Джульетты, мне было совсем не весело. По сюжету Ромео собирается покинуть возлюбленную, Джульетта удерживает его, они смотрят друг на друга, и их прощание через перила балкона завершается поцелуем.

---

[9] *«Ночь на Галактической железной дороге»* – повесть японского писателя Кэндзи Миядзавы и одноименное аниме.

[10] Здесь и далее перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Полагаю, этот эпизод давался нелегко не только мне, потому как однажды двое ребят из нашего класса остановили меня прямо в коридоре.

– Тебе не кажется, что ты как-то многовато тискаешься с Хиросэ, а? – сказал один из них, глянув на меня исподлобья.

– Ага. Не думай, что раз у тебя хорошие оценки, то ты можешь смотреть на нас свысока, – поддакнул другой.

– Да вы о чем вообще? – удивился я.

– Заткнись. – Первый парень неожиданно заехал мне кулаком в живот.

Он явно хотел просто меня припугнуть. Однако я рефлекторно напряг мышцы и даже не поморщился. Это остудило их пыл: они как-то разом успокоились, развернулись и, не скрывая досады, зашагали прочь.

Я же не почувствовал унижения, – скорее, наоборот, ощутил облегчение. Ведь долгое время терзавшее меня беспокойство наконец-то исчезло. Если к красному раствору фенолфталеина, вступившему в реакцию с щелочной средой, добавить соответствующее количество кислоты, происходит реакция нейтрализации и водный раствор становится прозрачным. Вот и мой мир прояснился. Снова обдумав это неожиданное откровение, я пришел к выводу, что они мне просто завидовали. Я всегда был с Аки, потому и стал для них врагом номер один.

Ходили слухи, что Аки встречается со старшеклассником. Я не пытался выяснить это специально, просто подслушал, как одноклассницы обсуждали, что он якобы высокий красавчик, играющий в волейбол.

«Вообще-то, занятие для настоящего мужчины – это кэндо», – подумал я тогда.

В то время у Аки была привычка учиться, слушая радио. Я знал ее любимую программу, сам несколько раз ее слушал. Смысл передачи заключался в том, что парни и девушки – с не очень-то высоким айкью – общались записками и радовались, когда их в прямом эфире зачитывал говорливый диджей.

Не знаю, зачем я отправил туда записку для Аки. Возможно, это была насмешка над ней за отношения со старшеклассником. Или месть за неприятности, возникшие по ее вине. Или, что самое вероятное, то было предзнаменованием еще не пробудившейся во мне любви.

В тот день, незадолго до Рождества, проходил спецвыпуск по заявкам для влюбленных, и я разработал план, от которого уже сейчас, спустя время, мои волосы встают дыбом. Так как это был канун праздника, естественно, я ожидал, что пройти отбор заявок будет труднее, чем обычно. И чтобы записку прочитали, я постарался, чтобы ее содержание действительно тронуло их сердце.

Вот как это выглядело:

Сегодня я хотел написать об А. Х. из своего класса. У нее длинные волосы, а лицом она напоминает Навсикаю из Долины ветров[11], *только гораздо более хрупкую. Еще ее всегда выбирают старостой класса за ее милый и добрый характер.*

На прошедшем культурном фестивале наш класс ставил «Ромео и Джульетту», где она должна была играть Джульетту, а я – Ромео. Однако с началом репетиций ее здоровье внезапно ухудшилось, она стала пропускать школу, и в итоге я выступал с другой девочкой. Только потом стало известно, что у А. лейкемия. Она до сих пор в больнице и проходит лечение. По словам одноклассников, которые ходили ее навещать, из-за лекарств ее длинные волосы полностью выпали и она так похудела, что совсем перестала быть похожей на себя. Скорее всего, эту рождественскую ночь она тоже проводит одна на больничной койке. Возможно, она слушает эту программу по радио. Для нее, так и не исполнившей роль Джу-

[11] *Навсикая из Долины ветров* – героиня одноименной манги и мультфильма авторства Хаяо Миядзаки.

льетты на культурном фестивале, я прошу поставить «Tonight» из «Вестсайдской истории»[12].

Ромео из четвертой группы

– Что это было? – На следующий день Аки поймала меня в школе. – Это ведь ты отправил заявку, Мацумото-кун?

– О чем ты?

– Не прикидывайся, «Ромео из четвертой группы». «Лейкемия»? «У нее выпали волосы, и она похудела, став непохожей на себя»? Хватило тебе ума придумать, ничего не скажешь.

– Так я же вначале тебя похвалил.

– Назвав хрупкой Навсикаей? – Она тяжело вздохнула. – Послушай, Мацумото-кун, мне все равно, что ты обо мне пишешь. Но на этом свете есть те, кто действительно страдает от болезней. Даже если это шутка, мне противна сама мысль, что кто-то может использовать такие истории ради чужого сочувствия.

Меня раздражал ее назидательный тон, но в то же время завораживало то, как она злится. Это чувство прохладным ветерком скользнуло в груди и принесло с собой неожиданно удовлетворяющую ясность: я впервые увидел в Аки *девочку*.

4

На третий год средней школы нас распределили в разные классы. Мы по-прежнему были старостами, так что примерно раз в неделю нам удавалось увидеться на собраниях. А где-то с конца первого семестра Аки начала заниматься в библиотеке у моего дома. После городских соревнований клуб кэндо ушел на летние каникулы, так что я тоже стал чаще подрабатывать в библиотеке. Кроме того, я взял за привычку в первой половине дня готовиться к вступительным экзаменам в старшую школу и выбирал для занятий читальный зал с кондиционером, куда обычно приходила Аки. Мы вместе учились и во время перерывов болтали, поедая мороженое.

– Почему-то я не чувствую никакого давления, представляешь? – спросил я однажды. – Вроде бы летние каникулы, а никак не могу заставить себя заниматься.

– Даже если ты не будешь стараться, Мацумото-кун, уверена, твоих знаний уже достаточно, чтобы все сдать.

– Не в этом дело. На днях я вычитал в «Newton»[13]: примерно в двухтысячном году астероид столкнется с Землей и вся экосистема планеты будет разрушена.

– Хм… – незаинтересованно протянула Аки, облизывая мороженое кончиком языка.

– Нечего тут хмыкать, – продолжил я серьезно. – С каждым годом озоновый слой все больше разрушается, а тропические леса исчезают. Если так пойдет и дальше, то ко времени, как мы состаримся, на Земле невозможно будет жить!

– Ужасно.

– Что-то не кажется, что тебя правда это заботит, – обиделся я.

– Прости. Просто мне в это не верится. А тебе, Мацумото-кун?

– Если так подумать…

– Нет, верно?

– Мое мнение не так уж и важно, – отмахнулся я. – Это в любом случае произойдет, верю я в это или нет.

– Ну раз в «любом случае», то и переживать не о чем.

Как ни странно, но, как только она это сказала, мне сразу стало спокойнее.

---

[12] *«Вестсайдская история»* – культовый американский мюзикл 1957 года.

[13] *«Newton»* – международный научный журнал по физике и междисциплинарным наукам.

– Нет смысла задумываться о вещах, которые произойдут в далеком будущем, – тем временем продолжила Аки.

– Но речь о десятке лет!

– Нам будет по двадцать пять. – Аки посмотрела вдаль и сказала: – Неизвестно, что произойдет до этого момента, Мацумото-кун. Со мной и с тобой.

Я почему-то вспомнил о гортензиях с Сироямы. С тех пор они цвели уже дважды, но мы так и не сходили полюбоваться ими. Каждый день происходило столько всего, что я совсем забыл о цветах. Думаю, Аки тоже. Да, я говорил про столкновение с астероидом и разрушение озонового слоя, но при этом мне все равно казалось, что и летом двухтысячного года гортензии с Сироямы будут цвести, как и прежде. Поэтому ни к чему спешить, мы всегда сможем посмотреть на них, если захотим.

Так шли летние каникулы. Все еще переживая о будущем Земли, я запоминал даты мнемоническими стишками вроде «истребление германских племен»[14] и «восход Кромвеля к славе»[15]; решал задачки на системные уравнения и квадратичные функции; иногда ходил с отцом на рыбалку; покупал новые CD-диски. И болтал с Аки.

В тот день, когда она неожиданно назвала меня «Саку-тян», я чуть не подавился очередной порцией мороженого.

– Ты чего это внезапно? – спросил я, откашлявшись.

– Так ведь твоя мама всегда тебя так зовет, – улыбаясь, сказала Аки.

– Но ты не моя мама.

– Ну и что? С этого дня я тоже буду звать тебя «Саку-тян».

– Не решай такое за других.

– Уже поздно.

Таким образом Аки начала решать за меня все, до той степени, что я и вовсе перестал понимать, кто я такой.

Сразу после начала второго семестра Аки подошла ко мне во время обеденного перерыва и потрясла перед носом какой-то тетрадкой.

---

[14] «Истребление германских племен» (*яп*. gerumann; nzoku minagoroshi). «MiNaGo» можно представить как начальные слоги японских цифр: 3 («mittsu»), 7 («nana»); 5 («go»). Получается 375 год – разгром остготов гуннами и начало Великого переселения народов.

[15] «Восход Кромвеля к славе» (*яп*. ichiro yonideru kuromu eru). Первую часть «ichiro yoni» можно представить в виде японских цифр 1 («ichi»), 6 («ro ku»), 4 («yo»), 2 («ni»). 1642 год – Кромвель собрал свой отряд, и началась гражданская война в Англии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.